

Глава 8

Слова любви

Лишь когда Ли Юньхуань сел рядом и постель под ним прогнулась, Ши Лю очнулся от своих мыслей.

Он повернул голову и, встретившись с глубоким, полным беспокойства взглядом юноши, после недолгого раздумья решил признаться:

— Юньхуань, я потерял кольцо, которое ты мне подарил.

Услышав это, Ли Юньхуань на мгновение замер. Но тут же опомнился, взял Ши Лю за руку и, мягко поглаживая её, принялся успокаивать:

— Ничего страшного, матушка, ничего страшного.

Только теперь он заметил, что кольца, которое всегда было на пальце Ши Лю, нет.

На самом деле, Ли Юньхуаню было не так уж и важно, сохранит ли Ши Лю его подарок. Гораздо больше его волновало, не расстроится ли он из-за потери.

Хотя это кольцо было не простым. Он долго искал подходящий камень — небольшой, но безупречного качества хотанский нефрит, — а затем несколько месяцев сам его полировал, вложив в работу всю душу.

Это был его подарок Ши Лю на день рождения.

В тот год Ши Лю только-только начал выходить из тени своего горя. Он часто подолгу сидел один, молча глядя вдаль.

Несколько раз, когда Ли Юньхуань упражнялся в стрельбе из лука на заднем дворе, он тихо садился под навесом галереи и наблюдал за ним. Ли Юньхуань замечал, что Ши Лю очень внимательно смотрит на него, на стрелу в его руках.

Пока Ли Юньхуань размышлял об этом, Ли Чуйхань тоже всё заметил.

И не успел юноша воспользоваться этим прекрасным шансом побыть с матушкой, как Ли Чуйхань отослал его в его собственный двор.

Глядя на плотно закрытые ворота, Ли Юньхуань ощутил лишь досаду.

За воротами Ли Чуйхань отыскал лук, которым пользовался в юности, когда воевал на границе вместе со старым генералом Ли, и протянул его Ши Лю, предлагая попробовать.

Ши Лю посмотрел Ли Чуйханю в глаза и спросил:

— Ты ведь говорил мне, что не умеешь стрелять из лука?

Ли Чуйхань взглянул на него, но тот уже опустил голову, изучая лук, словно вопрос был задан невзначай и ответа он не ждал.

— Чтобы пронзить голову того безумного тирана перед всем двором, пришлось немного поучиться. Лук, оказывается, тоже весьма полезен.

— Вот как?

Ши Лю взял лук, словно что-то вспоминая, затем, подражая движениям Ли Юньхуаня, с лёгким усилием натянул тетиву и прицелился в Ли Чуйханя.

Он отпустил тетиву. Стрела прошла чуть мимо, оцарапав колонну за спиной Ли Чуйханя, совсем рядом с его ухом.

Ли Чуйхань, казалось, и не заметил этой проверки. Он подошёл к Ши Лю, мягко накрыл его руку, лежавшую на луке, и прошептал ему на ухо:

— Юй'эр, какой ты способный, у тебя настоящий талант.

Затем он обнял его сзади, положил подбородок ему на плечо и тихо проговорил:

— Наш Юй'эр — маленький гений.

Ши Лю, которому это надоело, оттолкнул его, бросил на него быстрый взгляд, небрежно отбросил лук и направился прочь.

Ли Чуйхань не сразу понял, что произошло. Глядя на удаляющуюся фигуру, он поспешил за ним:

— Что случилось, Юй'эр, больше не хочешь упражняться? Может, устал? Хочешь чего-нибудь поесть? Я видел, что ты сегодня почти ничего не ел. Тренировки — это хорошо, но не стоит себя переутомлять. Я велел принести твою любимую утку по-цзиньлински из «Башни пьянящего аромата», ещё горячая. Хочешь попробовать?

Ши Лю, погружённый в свои мысли, не обращал внимания на назойливый голос рядом.

Он думал о словах, которые только что обронил Ли Чуйхань. Неужели у него и правда есть талант?

Ведь у него ко всему был талант, так почему же ничего не получалось?

Оглядев высокие стены вокруг, Ши Лю, чей разум долгое время был затуманен болезнью, вдруг осознал нечто важное.

Когда это началось? Кажется, он утратил всякий стимул, потерял свою давнюю цель.

Нынешний он — лишь искалеченный человек, уничтоженный чужой любовью и страстью.

Семья, друзья, ребёнок, будущее — всё было потеряно, он ничего не смог уберечь.

Но ведь он никогда ни о чём не просил. Так почему же он постоянно плачет о потерянном?

Меньше чем за год он из любимого сына богатейшего человека в Янчжоу, из зеницы ока своих родителей, из одарённого ученика, на которого возлагали большие надежды наставники, превратился в того, кого за спиной называли коварной и расчётливой Госпожой маркиза Чаньин.

Иногда Ши Лю с горькой усмешкой думал, что, знай он всё наперёд, не стал бы так усердно учиться. Кто бы мог подумать, что в итоге его даже не допустят к экзаменам.

Все эти годы Ши Лю ни на миг не переставал винить себя. Он постоянно задавался вопросом: не из-за него ли погибла семья Ши?

Его никогда не волновало, хорошо ли ему живётся. Его душу терзали раскаяние и ненависть, мучая его по ночам.

Почему, почему?

Почему те, кто причиняет боль, остаются невредимы?

А те, кто любит его, страдают и теряют надежду?

Пару лет назад Ши Лю думал покончить со всем этим. Но его враги всё ещё были живы и здоровы, и он не мог умереть.

Он ещё не отомстил за своих невинно убиенных родных, он не мог умереть...

Нельзя так больше продолжать, он должен что-то делать, он обязан что-то делать.

Все вокруг изо всех сил разыгрывали спектакль под названием «мирная жизнь», словно весь мир пытался его приручить. Своими действиями они говорили ему: «Всё прошло, видишь, сейчас ведь у всех всё хорошо? И у тебя тоже всё хорошо, не так ли?»

Но Ши Лю никогда не мог переступить через ту черту. Ли Чуйхань своими поступками постоянно убеждал его не цепляться за прошлое.

Но почему? Ведь страдал он, а не Ли Чуйхань. Никто не имел права требовать от него прощения за прошлое. Ведь отпустить — это не просто простить один раз. Это значит прощать каждый раз, когда вспоминаешь.

После того дня Ши Лю избегал Ли Чуйханя. Он позвал Ли Юньхуаня посидеть с ним в тени гранатового дерева.

Ли Юньхуань счёл это даром небес. Услышав от служанки о приглашении, он тут же привёл себя в порядок и поспешил к нему.

Оказалось, Ши Лю просто посчитал каменную скамью слишком жёсткой и решил использовать его в качестве живой подушки.

Но он всё равно был счастлив. Мягко поглаживая лоб своей матери, лежащей у него на коленях, Ли Юньхуань хотел развеять печаль в её сердце.

«Мама, если тот человек тебе наскучил, давай сбежим вместе? Только не грусти больше».

Внезапно Ши Лю очнулся. Возможно, это случилось, когда Ли Юньхуань ещё был погружён в свои сладкие грёзы. Он медленно открыл глаза и увидел застывшее на лице юноши блаженное выражение...

На его прекрасном лице промелькнуло недоумение.

Ли Юньхуань поспешно отогнал свои неподобающие мысли, убрал руку, которая до этого бесцельно блуждала, и выпрямился.

— Юньхуань?

— Матушка, я здесь. Что такое?

Он делал вид, что внимательно слушает Ши Лю, но на самом деле его взгляд уже блуждал, то останавливаясь на глазах Ши Лю, то на его губах.

— Хм, ты не хочешь пойти учиться?

Услышав вопрос, он наконец обрёл самообладание и после некоторого колебания ответил:

— Хочу, но... мне немного жаль расставаться с матушкой.

Ши Лю не стал утешать его, как он того ожидал. Он лишь накручивал длинные волосы Ли Юньхуаня на палец.

Глядя на юношу, Ши Лю думал о том, как незаметно выросли его волосы. И тело, обнимавшее его, стало гораздо крепче, чем вначале.

Прошло три года. Ли Юньхуань стал неотъемлемой частью их с Ли Чуйханем запутанной жизни.

Хотя для Ли Чуйханя ничего не изменилось — он по-прежнему не обращал на него никакого внимания.

Но Ши Лю видел, как он растёт, день за днём. Внешне он всегда оставался безучастным ко всему, что происходило в поместье.

Поначалу он даже не отвечал на попытки Ли Юньхуаня сблизиться, казалось, ему было всё равно.

На самом деле он всегда молча наблюдал за всем происходящим. Он всё знал, просто ему было лень вмешиваться.

Что он думал тогда, видя, как Ли Юньхуань терпит холодное отношение в поместье?

Он думал, что Ли Юньхуань, в конце концов, из Клана Ли.

Поэтому в его сердце всегда оставалась эта преграда.

Но он не раз видел, как Ли Юньхуань, после того как все слуги разойдутся, тайком пробирался на кухню и доедал остатки. Видел, как он, простудившись и оставшись без помощи, сам бегал в кладовую за лекарствами, глотая всё подряд, отчего ему становилось только хуже.

«Ладно...»

Как бы то ни было, Ли Юньхуань был всего лишь несчастным ребёнком.

Ли Чуйхань видел в нём лишь одноразовый инструмент для своего утешения. После этого он бросил его на произвол судьбы, предоставив самому искать путь к выживанию.

Но можно ли сравнивать страдания? Он сказал себе, что и тихий всхлип, и громкий плач заслуживают внимания.

И тогда Ши Лю сам отвёл его к лекарю, а после выздоровления поселил в своём дворе.

Все эти годы Ли Юньхуань рос под его опекой. Обретя достаток и заботу, он вытянулся и окреп. Ши Лю помнил, как он, ещё совсем кроха, часто лежал у него на коленях и смеялся, пытаясь его развеселить.

<http://bllate.org/book/15976/1442978>